

МАНЕ, ТЕКЕЛЪ, ФАРЕСЪ.

I.

Общее противорѣчіе между культурой и счастьемъ человѣчества.

Никогда не было еще, вѣроятно, эпохи, когда человѣчество, стихійно стремящееся, подобно Фаусту Гете, къ знанію и счастью, было бы такъ далеко, какъ теперь, отъ удовлетворенія, отъ возможности сказать переживаемому мгновенію: „Остановись! Прекрасно ты. Пстой“!

Широкою волною разливаются по землѣ образованіе и культура, и ихъ господству покоряются мало-по-малу самыя дикія страны. Гдѣ вчера еще царилъ мракъ, тамъ сегодня все затоплено пламенными лучами солнца. Каждый день на нашихъ же глазахъ вырастаютъ все новыя и новыя поразительныя открытія, которыя преобразуютъ землю, дѣлаютъ ее болѣе удобной и уютной; они облегчаютъ намъ перенесеніе сѣрыхъ будней существованія и сообщаютъ болѣшую глубину и разнообразіе обычнымъ радостямъ человѣческой жизни. Но, несмотря на такое возрастаніе всѣхъ виѣшнихъ условій своего благосостоянія, современное человѣчество болѣе, чѣмъ когда бы то ни было прежде, недовольно, охвачено глубокимъ безпокойствомъ и возбужденіемъ. Культурный міръ нашихъ дней представляетъ собою какъ бы одну сплошную гигантскихъ размѣровъ больницу, гдѣ воздухъ насыщенъ раздражающими душу

стонами, гдѣ распростерто и бьется въ корчахъ человѣческое страданіе всѣхъ формъ и типовъ. Пройдите изъ страны въ страну и постучитесь у каждой двери: здѣсь ли живетъ довольство? Довольны ли, счастливы ли обитатели этого дома? И вездѣ прозвучитъ вамъ въ отвѣтъ: „Странникъ, проходи мимо, у насъ нѣтъ того, о чемъ ты спрашиваешь“. Прислушайтесь на границахъ: отовсюду, со всѣхъ четырехъ концовъ вѣтеръ доноситъ зловѣщій шумъ борьбы и битвы, крики возстанія, зубовой скрежетъ безчеловѣчныхъ расправъ и усмиреній.

Соціализмъ и борьба партій въ Германіи.

Въ Германіи соціализмъ жадно подтачиваетъ всѣ устои политическаго и соціальнаго зданія страны. Сотни тысячъ острыхъ мышиныхъ зубовъ подгрызаютъ ихъ изъ подполья, и ни плѣнительныя мелодіи гг. крысолововъ изъ школы государственнаго, христіанскаго, — катедеръ - и другихъ „соціализмовъ“, ни щедрою рукою разставленныя сѣти исключительныхъ законовъ, ни малое осадное положеніе, ни полицейскій произволъ—ничто ни на минуту не отрываетъ неутомимаго грызуна отъ его грозной и неуловимой подземной работы разрушенія. Подъ маскою антисемитизма, — всегда удобный предлогъ для демонстраціи соціальныхъ страстей, какія никогда не осмѣлились бы выступить подъ своимъ собственнымъ флагомъ,—у бѣдныхъ и невѣжественныхъ низовъ населенія прорывается наружу ненависть противъ имущихъ. Пользующіеся феодальными правами, такъ называемые привилегированные классы общества вкладываютъ въ него свой страхъ передъ болѣе одаренными конкурентами въ борьбѣ за вліяніе и могущество. И, наконецъ, у проникнутаго ложно направленнымъ идеализмомъ юношества антисемитизмъ является лишь непомерно вздутой и однобокою формою патріотизма, неосуществимымъ стремленіемъ не только къ политическому единству Германіи, но и къ расовой однородности нѣмецкаго народа. Далѣе, какой-то тайный недугъ—эта тысячи разъ отмѣчавшаяся и

разу не получившая объясненія болѣзнь эпохи—каждый мѣсяцъ подымаетъ съ насиженныхъ пепелищъ десятки тысячъ людей и гонитъ ихъ за море. Волна за волною, все выше и выше подымается потокъ эмиграціи, и нѣтъ въ Германіи ни одного портового города, откуда бы не струился онъ, подобный тяжелому кровотоčenію на тѣлѣ нѣмецкаго народа, кровотоčenію, котораго не въ силахъ остановить никакія правительственныя ухищренія. Политическія партіи страны ведутъ между собою чисто варварскую войну, направленную на конечное уничтоженіе противника, и лозунгами борьбы выдвинуты—съ одной стороны, идеалы средневѣковья и старое самодержавіе королевской власти, а съ другой—идеи современной эпохи и принципы свободнаго самоопредѣленія народовъ.

Конфликтъ національностей въ Австро-Венгріи.

Въ Австро-Венгріи всѣ десять народностей стоятъ другъ противъ друга въ полной боевой готовности и изо всѣхъ силъ стараются причинить одна другой какъ можно больше вреда. Въ каждой провинціи и чуть ли не въ каждой деревнѣ большинство давитъ горло меньшинству; меньшинство, безсильное сопротивляться, лицемѣрно изъясляетъ покорность. Но подавленная ярость затаивается въ душѣ, и весь этотъ нестройный агломератъ угнетенныхъ народностей вызываетъ къ распаденію имперіи, какъ къ единственному средству выхода изъ столь невыносимаго положенія.

Революція въ Россіи.

Россія дошла до такого состоянія, что по отношенію къ ней можно, кажется, говорить чуть ли не о возвращеніи ко временамъ первобытнаго варварства. Бюрократія окончательно утратила элементарнѣйшія чувства человѣческаго общежитія, и чиновники заботятся вовсе не о ввѣренныхъ имъ интересахъ страны, но лишь о своихъ собственныхъ выгодахъ; воровство, подкупъ, продажность закона и суда—таковы

средства, которыя безстыдно пускаются ею въ ходъ для этой цѣли. Интеллигенція страны, не видя исхода, хватается за террористическую борьбу (Nihilismus), какъ за послѣднее отчаянное средство низверженія безчеловѣчнаго политическаго строя своей родины. Тысячи разъ русскіе революціонеры ставятъ на карту свою жизнь, чтобы посредствомъ динамита, револьвера, кинжала и пожарнаго факела вызвать на мѣстѣ отжившаго режима кровавый хаосъ, хаосъ, который экзальтированное воображеніе рисуетъ имъ какъ необходимое предварительное условіе новаго соціальнаго устройства. Государственные люди, призванные найти цѣлебное средство противъ охватившей страну ужасной болѣзни, прибѣгаютъ къ самымъ удивительнѣйшимъ методамъ леченія. Одни изъ нихъ видятъ спасеніе въ раскрѣпощеніи націи и дарованіи Россіи конституціонныхъ учреждений; другіе, наоборотъ, надѣются лишь на рѣшительный поворотъ въ сторону самой отчаянной азіатчины: они требуютъ искорененія всѣхъ европейскихъ культурныхъ приобрѣтеній и „укрѣпленія основъ“ наслѣдственнаго и священнаго царскаго самодержавія; третьи преисполнены вѣры въ спасительное дѣйствіе оттягивающаго леченія и рекомендуютъ хорошенькую „кровесосную банку“ въ видѣ войны противъ Германіи, Австро-Венгріи, Турціи или, если на то пошло, то и противъ всего свѣта. А пока глубокомысленные врачеватели страны судятъ да рядятъ о преимуществахъ того или другого средства, темная масса народа занимается еврейскими погромами; но, громя жилища евреевъ, сравнивая съ землею ихъ синагоги, та же самая толпа бросаетъ очень выразительные взгляды и на сосѣднія помѣщичьи усадьбы...

Внутреннее положеніе Англіи и Ирландіи.

Въ Англіи съ перваго взгляда соціальная почва кажется устойчивой, какъ и весь государственный строй этой націи. Но приложите ухо къ землѣ, и вы почувствуете ея содроганія, вы услышите глухіе удары подземныхъ великановъ, бьющихъ молотомъ въ крышу своей темницы. Осмотрите стѣны

этого гордаго зданія, и подъ внѣшнею позолотой вы увидите отъ полу до потолка идущія трещины. Церковь, родовая и денежная аристократія сплочены въ могущественную организацію. Онѣ правильно понимаютъ общность своихъ интересовъ и оказываютъ одна другой постоянную поддержку. Буржуазія покорно слушается установленныхъ господствующей кастой писанныхъ и неписанныхъ законовъ. Она надѣвается на себя личину благочестія и съ афишированной покорностью склоняется передъ громкимъ титуломъ. Догматъ ея вѣры гласитъ: прилично только то, что приходится по вкусу „верхнимъ 10,000“, и, наоборотъ, вульгарна и невыносимо позорна всякая оппозиція привилегіямъ этихъ полновластныхъ строителей жизни.

Но рабочій и фермеръ остаются внѣ этого заговора эксплуататоровъ; они громко требуютъ своей доли капитала и земли; они организуютъ кружки людей свободной религіи (Freidenker) и республиканцевъ; они показываютъ кулакъ королевской власти и аристократіи, и кто читаетъ будущее не въ кофейной гущѣ, а въ глазахъ англійскаго пролетарія, тому оно представляется мрачнымъ и окутаннымъ грозowymi тучами. Я уже не говорю объ Ирландіи. Тамъ теперь, гремя сандаліями, полнымъ ходомъ идетъ экономическая революція, убійства достигли апогея, и если только англійское правительство не захочетъ утопить весь ирландскій народъ въ морѣ крови, то ему придется допустить насильственный захватъ безземельнымъ пролетаріатомъ имѣній крупныхъ собственниковъ и тѣмъ подать примѣръ, который, несомнѣнно, очень скоро найдетъ себѣ подражателей не только въ Англіи, но и въ другихъ странахъ.

Королевская власть и республиканскія партіи въ Италіи.

Въ Италіи непрочно укоренившаяся королевская власть съ трудомъ удерживаетъ свою позицію въ борьбѣ противъ все возрастающей волны республиканскаго движенія. Дрожащіе

отъ лихорадокъ и снѣдаемые проказою поденщики рисовыхъ равнинъ Ломбардіи и болотистыхъ пустынь Романіи массами эмигрируютъ за границу, а если даже и остаются въ своей несчастной странѣ, то они спрашиваютъ одинъ у другого: почему, по какому праву владѣютъ землею всѣ эти собственники крупныхъ помѣстій, которымъ, за 50 *centesimi* въ день продаютъ они всѣ соки своего тѣла. Со времени объединенія страны, итальянское юношество не имѣетъ болѣе опредѣленной цѣли для своего традиціонно идеалистическаго пыла— и вотъ *Ирредента* ¹⁾ пытается выставить ему новый идеаль, взамѣнъ уже осуществленнаго. Скрытыя страданія народа прорываются наружу единичными зловѣщими вспышками, которыя на югѣ носятъ названія Каморры и Маффіи ²⁾, а въ Тосканѣ выливаются въ формы религіознаго фанатизма и коммунистическаго христіанства первыхъ вѣковъ нашей эры.

Пролетаріатъ и буржуазія во Франціи.

Франція, одна изъ всѣхъ европейскихъ странъ, до самаго послѣдняго времени могла, повидимому, похвалиться наиболѣе здоровымъ состояніемъ своего государственнаго организма; но и въ этой странѣ — какъ много въ ней болѣзнетворныхъ задатковъ, сколько спящихъ зародышей грядущаго бѣдствія!..

На всѣхъ перекресткахъ большихъ городовъ уличные ораторы съ жаромъ проповѣдуютъ раздѣлъ имуществъ и прекрасное пожарное дѣйствіе керосина; четвертое сословіе, открыто или въ тишинѣ, готовится захватить въ свои руки государ-

¹⁾ Республиканская, революціонно - націоналистическая партія, получившая свое названіе отъ лозунга патріотовъ: *Italia irredenta* (не освобожденная Італія) требовала присоединенія къ итальянскому отечеству всѣхъ оставшихся подъ иноземнымъ владычествомъ областей съ говорящимъ по-итальянски населеніемъ: Тироля, Триеста, Ниццы, Корсики и Мальты.

²⁾ Тайныя террористическія общества въ неаполитанскомъ королевствѣ и Сициліи; состоятъ изъ горцевъ и разбойниковъ; организуютъ политическія убійства.

ственную власть; оно собирается выгнать буржуазію, очутившуюся съ 1879 года единымъ господиномъ положенія, изъ должностей и насиженныхъ тепленькихъ мѣстечекъ, изъ парламента и муниципалитетовъ. Старыя политическія партіи предвидятъ день неотвратимо надвигающагося столкновенія и дѣлаютъ попытки—робкія попытки безъ вѣры въ свое дѣло, безъ шансовъ на успѣхъ, безъ необходимаго единодушія—противостоятъ ему съ помощью клерикальныхъ, монархическихъ и военныхъ заговоровъ.

Положеніе остальной Европы.

Послѣ всего вышеизложеннаго стоитъ ли еще останавливаться попусту на второстепенныхъ государствахъ? Имя Испаніи тотчасъ же вызываетъ въ нашемъ умѣ представленіе о карлистскомъ движеніи и кантоналистахъ. При имени Норвегіи читателю невольно думается о конфликтѣ между короною и народнымъ представительствомъ, конфликтѣ, который потенциально содержитъ въ себѣ республику, какъ мякоть плода его сѣмячко. Въ Даніи есть своя крестьянская партія и свои хроническіе министерскіе кризисы, въ Бельгіи—воинствующее ультрамонтанство. Словомъ всѣ страны, начиная отъ самыхъ слабыхъ и кончая самыми могущественными, имѣютъ каждая у себя свою особую домашнюю язву, свое особое органическое страданіе. И что всего удивительнѣе,—народы думаютъ найти если не исцѣленіе, то по крайней мѣрѣ облегченіе отъ своихъ недуговъ въ той лихорадочной поспѣшности, съ которой каждый годъ со все возрастающими тягостями они приносятъ милліарды на алтарь милитаризма, подобно тому, какъ въ средніе вѣка могущественный феодалъ рассчитывалъ обезпечить себѣ выздоровленіе отъ опасной болѣзни, жертвуя на церковь свое имущество...

II.

Болѣзнь вѣка.

Антагонизмъ между правительствами и народами, ожесточенная борьба политическихъ партій, броженіе въ отдѣльныхъ классахъ общества—все это только различныя формы одной и той же болѣзни, великой болѣзни нашего вѣка. Болѣзнь эта по существу вездѣ одна и та же, хотя въ различныхъ странахъ она носитъ различныя мѣстные названія: нигилизмъ, феніанизмъ, социализмъ, антисемитизмъ или ирреденто.

Другую, гораздо болѣе тяжелою формою ея является всеобщее глубокое недовольство и раздвоеніе, которыя безъ различія національностей и партій, независимо отъ политическихъ границъ и социальнаго положенія обуреваютъ душу всякаго, кто только находится на высотѣ культурныхъ требованій вѣка. Настроеніе это составляетъ чрезвычайно характерный основной тонъ нашей эпохи, подобно тому какъ въ древности такою же типическою окраскою душевной жизни человѣчества была наивная жизнерадостность и первую половину среднихъ вѣковъ—религіозность и благочестіе. Нѣтъ индивида, который не испытывалъ бы теперь какой-то злобной досады, какого-то раздраженія и сквернаго расположенія духа, и если только этотъ человѣкъ не даетъ себѣ труда проанализировать основу тяжелаго состоянія своей психики, то оно приписывается имъ дѣйствию цѣлаго множества ближайшихъ и случайныхъ и всегда несоотвѣтствующихъ причинъ. Это же обстоятельство толкаетъ современнаго человѣка на горькую критику всѣхъ явленій социальной жизни и заставляетъ его если не окончательно осуждать ихъ какъ никуда негодныя, то по меньшей мѣрѣ относиться къ нимъ съ самымъ безпощаднымъ отрицаніемъ. Это нетерпѣніе ума и воли, на которое всѣ внѣшнія впечатлѣнія оказываютъ еще болѣе раздражающее и ожесточающее дѣйствіе, одни называютъ нервностью, другіе пессимизмомъ и третьи, наконецъ, скептицизмомъ нашего

вѣка. Но разнообразіе названій скрываетъ за собою въ этомъ случаѣ лишь единообразіе недуга.

Его заразою одинаково охвачены и литература и искусства, положительная наука и философія, экономика и политика.

Пессимизмъ въ литературѣ.

Въ изящной литературѣ первые слѣды отрицательнаго направленія мы находимъ уже въ концѣ 18 столѣтія. Поэтическое творчество есть вообще та дѣятельность человѣческаго духа, въ которой раньше всего отражаются тончайшія смѣщенія и измѣненія въ состояніи человѣчества. И вотъ, когда высшіе классы общества утопали еще въ развратѣ и чувственныхъ наслажденіяхъ, когда аристократъ превращалъ свое существованіе въ одну сплошную оргію, а филистеръ-буржуа не видѣлъ еще дальше собственнаго носа и испытывалъ тупое довольство міромъ и самимъ собою, впервые раздался страстный призывъ Ж. Ж. Руссо.

„Долой ненавистную дѣйствительность“—таковъ былъ лозунгъ новаго литературнаго движенія. Онъ объявлялъ войну современности, проклятіе ея безчисленнымъ соблазнамъ, онъ восторженно звалъ культурнаго европейца: назадъ, къ „естественному состоянію“. Подъ этимъ терминомъ Руссо разумѣлъ, конечно, не буквальное воспроизведеніе первобытнаго варварства; въ нѣсколько аллегорической формѣ это состояніе рисовалось ему какъ нѣчто отличное отъ европейской дѣйствительности 18 вѣка, какъ ея прямая и возможно болѣе крайняя противоположность. И его призывъ вызвалъ у современниковъ громкое эхо,—подобно тому, какъ вибрирующая струна заставляетъ звучать всѣ другія сосѣднія и въ униссонъ настроенныя струны. Этотъ фактъ доказательство того, что настроеніе произведеній Руссо уже до него жило въ душѣ современнаго ему человѣка. Прожигатели жизни и филистеры ударились въ восторженные изліянія о своихъ стремленіяхъ въ первобытные лѣса, о дикой жизни на лонѣ природы. Последнее обстоятельство, конечно,

составляло тогда очень забавный контрастъ тому увлеченію, съ которымъ всѣ эти мечтательные анакореты пользовались утонченнѣйшими благами и пороками этой столь порицаемой ими культуры.

Отъ лозунга Руссо: назадъ, къ естественному состоянію—по прямой линіи ведетъ свое происхожденіе нѣмецкая романтика. Теченіе это—лишь непослѣдовательное воспроизведеніе идей автора „Новой Элоизы“, и у него лишь не хватаетъ логическаго мужества идти по проложенной дорогѣ до конца. Романтизмъ также возвращаетъ насъ назадъ, но, однако, не къ естественному состоянію; онъ останавливается на гораздо болѣе близкой станціи: на эпохѣ среднихъ вѣковъ. Но средніе вѣка нѣмецкой романтики, эта эпоха, которую поэты названнаго направленія рисуютъ столь розовыми красками, такъ же мало похожи на настоящее историческое средневѣковье, какъ „естественное состояніе“ Руссо на дѣйствительную жизнь первобытнаго человѣка. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ предъ собою свободное творчество человѣческаго воображенія, игру фантазій, строящей міръ своихъ грезъ по одному и тому же методу—по методу всесторонняго контраста міру дѣйствительности; въ обоихъ случаяхъ передъ нами проявленіе одного и того же, все равно сознательнаго или бессознательнаго, порыва къ освобожденію отъ ига несостоятельной ненавистной обыденщины, въ обоихъ случаяхъ просвѣчиваетъ одна и та же идея, оставшаяся невысказанной, идея о томъ, что *все, что бы ни было*, лучше того, что есть. Прослѣдивъ далѣе генеалогію этого литературнаго направленія, мы пришли бы къ дѣтищу нѣмецкой романтики—французскому романтизму и Байроновской поэзіи презрѣнія къ міру; послѣдняя образуетъ собою особую вѣтвь той же идейной династіи поэтовъ отрицанія. Отъ этой Байроновской линіи ведутъ свое происхожденіе: въ Германіи—поэты міровой скорби, въ Россіи—Пушкинъ, во Франціи—Мюссе, въ Италіи—Леонарди. Общую чертою ихъ душевнаго облика является трагическая неудовлетворенность реальностью бытія, но одинъ выражаетъ ее трогательными жалобами, другой—горькой ироніей надъ самимъ собою и